

18+

Алишер Таксанов

Смерть
Бетельгейзе



Алишер Таксанов
Смерть Бетельгейзе

«Издательские решения»

Таксанов А.

Смерть Бетельгейзе / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0069-0530-6

Сборник фантастических рассказов. Параллельные миры смыкаются, и на Землю врывается армада разумных крыс, начинается война. Взрыв звезды Бетельгейзе приводит к катастрофе на Земле, и людям приходится выживать в ужасных условиях. Корабль, летевший к поясу Койпера, спустя 36 тысяч лет оказывается у звезды Шольца, и на борту есть инопланетный паразит.

ISBN 978-5-0069-0530-6

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

НАШЕСТВИЕ КРЫС	6
Часть 1. Приближение	6
Часть 2. Встреча миров	10
Часть 3. Мир Крыс	16
Часть 4. Сопротивление	20
Часть 5. Битва на равнинах	24
Часть 6. Последний бой	30
СМЕРТЬ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ	33
Пролог	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Смерть Бетельгейзе

Алишер Таксанов

Редактор ChatGPT

Иллюстратор ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-0530-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАШЕСТВИЕ КРЫС (Апокалиптический рассказ)

Часть 1. Приближение

1.1. Станция в поясе Койпера

Научная станция «Горизонт» висела на самом краю Солнечной системы, словно металлический айсберг в чернильном океане пустоты. Она представляла собой сложный узел цилиндрических модулей, соединённых фермами, усеянными антеннами, радиотелескопами и сенсорными решётками, чувствительными к таким слабым колебаниям пространства-времени, которые вблизи Земли просто тонули бы в шуме. Корпус станции был покрыт слоями микрометеоритной защиты и пылью далёких орбит, а внутри царил ровный гул систем жизнеобеспечения, привычный и почти успокаивающий. «Горизонт» работал в режиме обычного наблюдения, монотонно собирая данные о ледяных телах, слабых выбросах частиц и редких гравитационных возмущениях.

Это была зона Койпера – холодный, разреженный пояс за орбитой Нептуна, населённый обломками первородного вещества Солнечной системы. Здесь вращались карликовые планеты, кометы и миллиарды ледяных глыб, застывших свидетелей рождения звезды. Сюда солнечный свет добирался больше одного дня, сильно ослабленный, тусклый и холодный, превращаясь скорее в воспоминание о тепле, чем в его источник. Тьма здесь была глубокой, почти осязаемой, и именно поэтому зона Койпера считалась идеальным местом для наблюдения за тем, что не должно было быть видно вовсе.



Внезапно мощные сенсоры станции зафиксировали нечто необычное: крошечную, но чрезвычайно плотную точку, двигавшуюся на фоне звёзд не так, как любое известное тело.

Она не отражала свет, не излучала его, но искажала пространство вокруг себя, словно сама ткань Вселенной слегка проваливалась внутрь этой точки. Доктор Эмма Карсон, ведущий астроном станции, застыла у монитора. Она была высокой, худощавой женщиной лет сорока, с собранными в небрежный узел тёмно-русскими волосами и лицом, на котором усталость хронического недосыпа соседствовала с фанатичной сосредоточенностью учёного. Её глаза, обычно спокойные и ироничные, теперь были расширены и неподвижны.

– Что это, чёрт возьми? – прошептала она, не отрывая взгляда от экрана.

Она быстро произвела расчёты, сверяя траектории, массы и искажения, и по мере того как цифры складывались в единую картину, холодный страх медленно поднимался от живота к горлу. Это было то, что до сих пор существовало лишь в формулах и научных спорах.

– Доктор Карсон, – её ассистент Майк Беллингтон ворвался в отсек, едва не сбив плечом дверь. Это был коренастый мужчина с вечно взъерошенными волосами и привычкой говорить быстрее, чем думать, но сейчас даже он выглядел бледным. – Данные подтверждают: это маленькая чёрная дыра.

– За орбитой Плутона... – Эмма медленно осознала масштабы происходящего, и голос её стал глухим. – Это изменит всё. Катастрофически всё...

– Маленькая чёрная дыра? – недоумевал стажёр Эрик Йонсон, появившийся следом. Он был совсем молод, с ещё детским лицом и широко раскрытыми глазами, в которых смешались восторг и ужас. – Разве такое может быть? Там по цифрам это объект размером с футбольный мяч.

Доктору Карсон пришлось ему пояснить, не отводя взгляда от бегущих строк данных:

– Чёрные дыры таких размеров относятся к категории первичных чёрных дыр. Мы раньше считали, что первичные чёрные дыры – это гипотетические объекты, которые могли образоваться в первые моменты после Большого взрыва. В отличие от чёрных дыр, возникающих при коллапсе массивных звёзд, первичные чёрные дыры могли бы образоваться из-за флуктуаций плотности в ранней Вселенной. Эти флуктуации могли создавать области с чрезвычайно высокой плотностью, которые под действием гравитации коллапсировали бы в чёрные дыры.

– Да? – ошеломлённо произнёс Эрик, словно услышал магическое заклинание.

– Чёрная дыра размером с футбольный мяч, примерно двадцать два сантиметра в диаметре, была бы чрезвычайно компактной и имела бы огромную массу по сравнению с её размерами. Масса такой чёрной дыры была бы около трёхсот миллиардов тонн. Это соответствует плотности, при которой сила гравитации становится настолько сильной, что даже свет не может покинуть пределы чёрной дыры, её горизонта событий.

В отсек доктора Карсон влетели остальные члены экипажа станции, напряжённые, с вопросами на лицах, которые они ещё не успели сформулировать.

– Но мы разве фиксировали ранее такие дыры? – раздался чей-то голос.

– Согласно теории Стивена Хокинга, чёрные дыры испаряются из-за излучения Хокинга, – продолжила Эмма уже как руководитель станции, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Время жизни чёрной дыры зависит от её массы. Чёрная дыра с массой порядка трёхсот миллиардов тонн должна была бы испариться за сравнительно короткое время по космологическим меркам, за сотни миллионов лет. Это означает, что если такие чёрные дыры когда-либо существовали, многие из них уже давно исчезли к настоящему времени. И это странно, что мы видим то, что по всем расчётам уже не должно существовать.

– А нам это угрожает? – тихо спросил кто-то из глубины отсека.

– Да, – коротко ответила доктор. – Нам нужно уводить станцию.

Системы маневрирования «Горизонта» взвыли, и станция попыталась изменить курс, но пространство вокруг уже не подчинялось привычной логике. Траектории ломались, тяга уходила в пустоту, словно двигатели работали против невидимой стены. Маленькая чёрная

дыра, почти точка, почти ничто, росла в показаниях сенсоров, не увеличиваясь визуально, но усиливая своё гравитационное присутствие. Время словно растягивалось, сигналы запаздывали, экраны мерцали. Последнее, что успела зафиксировать автоматика, был резкий всплеск искажений, после чего станция «Горизонт» исчезла, поглощённая беззвучно и окончательно, как будто её никогда и не существовало.

1.2. Искажение пространства

Чёрная дыра, пролетая за орбитой Плутона, вызвала такие гравитационные возмущения, что Солнечная система задрожала, словно хрупкий механизм, в который внезапно вбили клин. Она втянула в себя не только космическую станцию «Горизонт» вместе с экипажем, но и большинство ледяных объектов пояса Койпера, превращая древние кометные тела в вытянутые струи материи, исчезающие за горизонтом событий. Затем, почти без усилия, этот невидимый монстр «сожрал» сам Плутон вместе с его спутниками, стёр их орбитальную хореографию, как неудачную запись на доске, после чего гравитационный удар докатился внутрь системы. Уран и Нептун сошли со своих привычных путей, их орбиты вытянулись, перекошились, и гиганты начали медленно, но неотвратно смещаться, нарушая баланс, который держался миллиарды лет.

Даже Сатурн и Юпитер не остались в стороне. Газовые гиганты, казавшиеся вечными и неизблемыми, начали бурлить, как вода в перегретом котле. Их облачные пояса рвались, сталкивались, закручивались в чудовищные вихри, размеры которых превосходили всё, что когда-либо наблюдали астрономы. В атмосфере Юпитера вспыхивали гигантские разряды, планету опоясывали новые, уродливые штормы, а кольца Сатурна дрожали и ломались, словно стеклянные, посылая в пространство каскады обломков.

Пространство и время начали искажаться, переплетаясь и наслаиваясь друг на друга, как плохо совмещённые прозрачные плёнки. В некоторых областях Солнечной системы датчики фиксировали эффекты, которые невозможно было объяснить в рамках привычной физики: сигналы приходили раньше, чем были отправлены, тени появлялись без источников света, а расстояния теряли смысл. Граница между нашей Вселенной и параллельной начала истончаться, и в этих разрывах реальности проступали чуждые структуры, иные законы и формы существования.

Влияние чёрной дыры оказалось катастрофическим для многих планет Солнечной системы. На Марс, через нестабильные разломы пространства, были выплеснуты существа из других миров: асимметричные, покрытые полупрозрачными оболочками, с внутренними органами, светящимися тусклым биолюминесцентным светом. Некоторые из них напоминали переплетения щупалец и кристаллов, другие – ходячие сгустки плоти и энергии, реагирующие на окружающую среду непредсказуемо. Однако суровые марсианские условия – разреженная атмосфера, холод и радиация – оказались для них смертельными. Они погибали быстро, рассыпаясь в пыль или превращаясь в бесформенные останки, оставляя после себя лишь странные следы и необъяснимые химические аномалии.

На Земле странные события начали происходить по всему миру почти одновременно. Небо меняло цвета, переливаясь от болезненно-зелёного до глубокого фиолетового, словно планета оказалась под куполом чужого мира. Магнитные полюса сдвигались рывками, вызывая сбои в навигации и связи, а физические законы в отдельных регионах начинали вести себя неустойчиво: предметы падали медленнее или быстрее обычного, звук искажал направление, а время, казалось, то ускорялось, то вязло, как в густой жидкости.

Научные центры по всему миру работали на пределе возможностей, пытались осмыслить и хотя бы описать новые аномалии. Пока земные учёные лихорадочно вычисляли последствия присутствия чёрной дыры и строили всё более мрачные прогнозы, произошло нечто по-настоящему невероятное. Два мира – наша Земля и её параллельный аналог – начали сливаться.

Контуры городов наслаивались друг на друга, в одних и тех же местах возникали здания из разных реальностей. Это окончательно доказало существование мультивселенной, но для человечества это открытие обернулось не триумфом науки, а началом самых печальных и необратимых последствий.

Часть 2. Встреча миров

2.1. Первое столкновение

Слияние миров не произошло мгновенно, оно растянулось, как болезненный разрыв ткани, который невозможно ни остановить, ни зашить обратно. В одних местах Земли параллельная реальность проступала призрачно, полупрозрачными контурами, в других – врывалась грубо и окончательно, вытесняя привычный ландшафт. Над океанами возникали вторые горизонты, где небо имело иной оттенок и иное движение облаков, а в глубинах вод сталкивались течения из разных миров, порождая цунами без земных причин. Горы начинали «двоиться», контуры хребтов смещались, словно планета не могла решить, какой версии себя придерживаться.

Люди сталкивались не только с альтернативными зданиями или улицами, но и с чужой историей, проявлявшейся фрагментами. В одних городах внезапно появлялись памятники давно забытым войнам, которых никогда не было в нашей реальности, в других – исчезали целые кварталы, заменяясь пустотами или странными, неузнаваемыми конструкциями, построенными по иной логике, словно их проектировали существа с другим восприятием пространства.

На фоне этого хаоса чёрная дыра продолжала свой путь, оставаясь источником всех происходящих искажений. Она уже не просто влияла на гравитацию – она стала узлом, в котором сходились и рвались линии причин и следствий. Учёные всё чаще приходили к пугающему выводу: дело было не только в массе и не только в гравитации. Эта первичная чёрная дыра каким-то образом резонировала с самой структурой мультивселенной, действуя как катализатор, открывающий проходы между мирами и заставляющий их накладываться друг на друга.

Когда первые регионы Земли полностью «перешли» в гибридное состояние, стало ясно, что обратного пути может не существовать. Планета медленно превращалась в лоскутное одеяло из несовместимых реальностей, где законы физики, биология и даже само течение времени отличались от места к месту. Человечество оказалось перед фактом, который уже невозможно было отменить: привычная Вселенная умирала, уступая место чему-то новому, нестабильному и враждебному, и никто не мог сказать, сколько ещё продлится этот мучительный процесс и останется ли в его конце место для человека вообще.

Первые признаки существования других существ проявились пугающе быстро. В пригороде Лондона, в районе Дагенхэм, жители, отправившиеся ранним утром проверить фермерские поля за жилыми кварталами, наткнулись на нечто, что никак не укладывалось в человеческое понимание катастрофы. Там, где ещё вчера тянулись аккуратные загоны и стояли одноэтажные дома, теперь лежало странное, изломанное поселение. Земля была вспахана не плугами, а будто когтями гигантского зверя, поля изрыты глубокими бороздами, а здания раздавлены, перекручены и вдавлены друг в друга. Повсюду валялись человеческие скелеты, вперемешку с останками домашнего рогатого скота, словно смерть прошла здесь без разбора. В воздухе висел тяжёлый, сладковато-гнилостный запах, от которого першило в горле и мутило даже на открытом пространстве.

Прибывшая по вызову полиция начала осмотр территории, стараясь держаться вместе. Картина становилась всё более жуткой с каждым шагом. Казалось, что одно поселение, совершенно чуждое, наложилось поверх другого, человеческого, не заботясь о совпадении форм и размеров. Странные сооружения из неизвестных материалов – угловатые, покрытые рёбрами и выступами – буквально наезжали на жилые дома, магазины, кафе, старую фабрику, как будто некая сила пыталась склеить несовместимые кубики в одно уродливое целое. Двери выходили в стены, лестницы упирались в потолки, а витрины магазинов прорастали чуждыми металлическими наростами.

– Что это за чёртовщина? – спросил сержант Джонатан Кайл, глядя на дымящиеся развалины. Это был высокий, широкоплечий мужчина с поседевшими висками и лицом, иссечённым мелкими шрамами службы, привыкший к насилию, но не к такому.

– Это был посёлок Брукмид, – растерянно ответил констебль, сверяясь с планшетом. – Но то, что мы видим... это будто что-то свалилось на голову бедным жителям сразу целиком.

– Похоже на зону боевых действий, – сказала констебль Сара Смитт, держа пистолет наготове. У неё сжимало грудь от необъяснимого чувства угрозы. Здесь само пространство казалось враждебным, воздух словно загустел, стал вязким, и каждый звук отдавался неприятным эхом.

В этот момент из груды развалин начали подниматься силуэты. Сначала неясные, колыхающиеся, затем – отчётливые и ужасающие. Огромные крысы, ростом с человека, выбирались из щелей и проломов. Их тела были покрыты редкой, жёсткой шерстью, под которой бугрились мышцы. Красные глаза горели злобным, почти разумным огнём, а из вытянутых пастей торчали обнажённые, жёлтые клыки, испачканные чем-то тёмным. Они были одеты в подобие костюмов – грубые, сшитые из кожи и металла элементы брони, стянутые ремнями, а в лапах держали странные приборы, напоминавшие гибрид оружия и инструмента, испускающие слабое, пульсирующее свечение.

Не издав ни слова, они рванули вперёд.

Завязалась перестрелка. Двенадцать полицейских отчаянно отстреливались, пули выбивали клочья шерсти и искры из чуждых доспехов, но этого было недостаточно. Ответное оружие крыс оказалось страшнее. Из их приборов вырывались струи ослепительного света и сгустки энергии, которые не просто прожигали плоть, а будто стирали её, оставляя за доли секунды обугленные, дымящиеся силуэты. Люди падали один за другим, не успевая даже закричать, их тела вспыхивали и оседали чёрным пеплом.

Вскоре на месте схватки остались лишь сгоревшие трупы, дымящиеся остовы полицейских машин и расплавленные пятна асфальта.

Лидер крыс, особенно крупный, с украшенным шрамами мордой, поднялся на груды обломков и издал резкий, пронзительный боевой клич, потрясая своим оружием. Звук был похож одновременно на визг и гортанный рёв. В ответ огромная свора завывала, наполняя разрушенный пригород многоголосым, первобытным воем, от которого дрожали стены и, казалось, сама реальность делала ещё один шаг к окончательному безумию.

2.2. Первая битва

Весть о нападении крыс разлетелась по миру с пугающей скоростью, вытесняя из новостных лент даже сообщения о слиянии миров и гравитационных катастрофах. Этих разумных существ почти сразу назвали кро-крысами – по резкому, хриплому звуку, который они издавали во время атак и который попадал на первые записи с дронов и камер наблюдения. Военные силы большинства государств были подняты по тревоге, но очень быстро стало ясно, что речь идёт не о локальных инцидентах. Кро-крысы появились под Бухарой, вырвавшись из песков и старых промышленных зон, в Новгороде – среди складов и заброшенных окраин, в Пхеньяне – прямо на окраинных военных полигонах, в Гонконге – в плотной застройке портовых районов. Они атаковали столицы Омана и Брунея, прошлись огнём и металлом по кварталам Туниса, Боливии, Аргентины, Гватемалы и Гондураса, высаживались на Филиппинах, словно давно знали географию планеты и уязвимые точки цивилизации.

Повсюду картина была схожей. Национальные армии вступали в бой, рассчитывая на численное превосходство и огневую мощь, но терпели сокрушительные поражения. Кро-крысы действовали слаженно и холодно, словно заранее отрепетировали каждое движение. Их отряды маневрировали под огнём, использовали здания и рельеф, обходили фланги, били по командным пунктам и узлам связи. Ковровые бомбардировки превращали районы в огненные поля,

напалм выжигал кварталы до основания, но даже это не останавливало наступление. Из пламени выходили обгоревшие фигуры с красными глазами, шерсть на их телах тлела, доспехи были почерневшими, но они продолжали идти вперёд, словно боль и страх для них не существовали. Их живучесть поражала: раны затягивались, оторванные конечности заменялись грубыми протезами прямо на поле боя, а павшие мгновенно утаскивались в тыл.



Особенно ожесточённые бои развернулись под Уфой, столицей Башкирии. Там крокрысы вышли из разломов реальности в лесостепной зоне и почти сразу столкнулись с тремя дивизиями российской армии. Танки, артиллерия, реактивные системы залпового огня обрушили на них всё, что было доступно, превращая поля и посадки в месиво из грязи, металла и огня. Но крокрысы отвечали точно и беспощадно. Их странное оружие прожигало броню, выводило из строя электронику, превращало экипажи в обугленные тени. Они прорвались сквозь оборону, окружили части, рассекли их на изолированные группы и методично уничтожили одну за другой. К вечеру от трёх дивизий остались лишь дымящиеся остовы техники и заваленные телами позиции. Это было не просто поражение – это был разгром, после которого военные аналитики впервые всерьёз заговорили о невозможности победы привычными средствами.

На фоне этих событий в Вашингтоне выступил президент Соединённых Штатов Генри Дизель. Это был высокий, подтянутый мужчина с жёстким, почти угловатым лицом и холодным взглядом человека, привыкшего принимать решения в условиях давления. Его речь транслировалась по всему миру.

– Мы столкнулись с новой угрозой. Кро-крысы – это разумные существа с другого мира. Наш мир теперь разделён с параллельной Вселенной. Мы обязаны защитить нашу планету, – заявил он, не повышая голоса, но подчёркивая каждое слово.

Президент Беларуси Леонид Шишкин, коренастый, резкий, с тяжёлым взглядом и привычкой говорить прямо, был куда менее сдержан.

– Мы готовы применить ядерное оружие против врага и не пожалеем даже наши территории. Испелим кро-крыс на своей земле атомным огнём, – заявил он, и в его голосе не было сомнений.

Более осторожную позицию занял султан Брунея – пожилой, худой человек с усталым лицом и внимательными, почти печальными глазами, привыкший думать не только о силе, но и о последствиях.

– Возможно, мы попытаемся наладить контакт. Потому что наша армия потерпела крах, но остаётся шанс, что мы всё же сумеем договориться с пришельцами, – сказал он, и в этих словах слышалась не наивность, а отчаянная попытка найти выход там, где оружие оказалось бессильным.

В то время как политические лидеры спорили, колебались и выработывали противоречивые планы действий, вооружённые силы готовились к первой в истории человечества всемирной битве. В ход должны были пойти авианосные ударные группы, баллистические ракеты, термобарические заряды и огнемёты – всё, что когда-либо создавалось для тотального уничтожения противника. Никто больше не питал иллюзий: это будет не операция и не кампания, а война на выживание.

Полковник Робертс Иштван, ветеран нескольких войн на Ближнем Востоке и в Восточной Европе, получил приказ возглавить операцию по защите Лос-Анджелеса. Это был сухощавый мужчина с каменным лицом, глубоко посаженными глазами и аккуратно подстриженными седыми усами. Он говорил мало, не терпел пафоса и давно перестал верить в красивые формулировки штабных отчётов. Его опыт подсказывал: если враг действует слишком уверенно, значит, он чувствует себя здесь как дома.

А Лос-Анджелес уже перестал быть просто городом. Кро-крысы начали обживать его так, словно это был фрагмент их собственного мира. Целые районы оказались перекроены: небоскрёбы были надстроены чуждыми металлическими конструкциями, дороги разорваны и превращены в лабиринты, промышленные зоны стали узлами снабжения и командными пунктами. В порту выросли массивные платформы неизвестного назначения, а в центре города появились укреплённые зоны, откуда кро-крысы координировали вылазки. Фактически Лос-Анджелес стал их базовым командным лагерем, живым, враждебным организмом, встроенным в ткань мегаполиса.

Робертс часами рассматривал фотографии спутниковой разведки и данные с беспилотников и самолётов. На экранах чётко выделялись области наибольшей концентрации кро-крыс, узлы обороны, огневые точки, зоны перекрёстного контроля. Было видно, что твари отлично разбираются в военном деле: оборона была эшелонированной, подходы перекрыты, ключевые объекты прикрыты с нескольких направлений. Они использовали высоту, тень, плотную застройку, создавая ловушки для наступающих сил. Всё это говорило о дисциплине, опыте и разуме. И всё же это не сломило волю Робертса. Напротив, в нём проснулось холодное, упрямое чувство профессионала, который знает: даже самый умный враг ошибается.

Для начала он собрал дивизию, переданную ему в подчинение. Пехота, бронетанковые подразделения, инженерные части, артиллерия – всё, что удалось стянуть в кратчайшие сроки.

– Вперёд, ребята, – сказал он перед строем, его голос был негромким, но уверенным. – Мы должны показать этим тварям, кто здесь хозяин.

Реакция была разной. Одни солдаты угрюмо буркнули что-то себе под нос, слишком хорошо помня новости из Уфы и Бухары. Другие выпрямились и прокричали, почти с яростью:

– Так точно, сэр! Мы победим!

Колонны двинулись на север, из района Сан-Диего в сторону Лос-Анджелеса. По шоссе шли бронетранспортёры M2 Bradley и Stryker, их башни медленно вращались, сканируя горизонт. Следом двигались танки M1A2 Abrams, тяжёлые, покрытые пылью, с длинными стволами, направленными вперёд, словно копья. Гул двигателей сливался в непрерывный рокот, который разносился по пустынным участкам дороги. Робертс смотрел на это движение и знал: впереди их ждёт не просто бой, а столкновение двух миров, и исход его уже не будет иметь права на ошибку.

2.3. Сражение за Лос-Анджелес

Лос-Анджелес – огромный мегаполис штата Калифорния, раскинувшийся между океаном и холмами, город вечного движения, света и иллюзий. Здесь рождались фильмы и мифы, сияли неоновые вывески, тянулась Аллея звёзд с именами кумиров, прятались за высокими заборами виллы знаменитостей, работали музеи, парки и аттракционы, где люди привыкли верить в счастливые финалы. Но всё это оказалось сметено нашествием кро-крыс из параллельной Вселенной. Город пал стремительно и жестоко. Улицы захлебнулись паникой, эвакуация сорвалась, а половина жителей была уничтожена и сожрана пришельцами. Кро-крысы питались человеческим мясом без брезгливости и сомнений, рвали тела мощными челюстями, утаскивали добычу в завалы, складывая её, как припасы, и в этом не было ни хаоса, ни безумия – лишь холодный, расчётливый голод завоевателей.

Естественно, кро-крысы были не только сильными, но и умными. Они быстро отказались от лобовых столкновений и перешли к тактике партизанской войны. В развалинах города появились скрытые ходы, огневые точки, ловушки, замаскированные под обрушенные фасады. Они создавали редуты из перевёрнутых автобусов, бетонных плит и металлоконструкций, простреливали перекрёстки с верхних этажей, исчезали в подземных коммуникациях, чтобы через минуты ударить в тыл. Город стал их оружием. И они знали, что против них движется дивизия Робертса. Их разведчики – быстрые, почти неуловимые – следили за колоннами ещё на подходах, передавая данные своему военному вожаку. Генерала кро-крыс люди условно прозвали Челюстью – за его кровавую тактику, за привычку лично добивать раненых и за безошибочное чувство боя.

Был день, солнце стояло высоко, и казалось, что оно всё ещё по-калифорнийски тепло греет землю, отражаясь в выбитых стёклах и лужах расплавленного асфальта. Лёгкий ветер шевелил обрывки рекламных баннеров. Но дыхание войны уже коснулось города, сделав этот свет чужим и зловещим.

Дивизия Робертса вошла в Лос-Анджелес с нескольких направлений, и бой начался почти сразу. Первый выстрел эхом прокатился по кварталам, и город ответил взрывами. Сражения шли за каждую улицу, за каждый дом, за каждый этаж. Горели машины, вспыхивали бензобаллоны, падали люди, сражённые неведомым оружием кро-крыс, которое прожигало броню и плоть одинаково легко. Пехота продвигалась вперёд под прикрытием танков, но крысы умело сдерживали натиск, отступая ровно настолько, чтобы заманить противника под перекрёстный огонь.

– Бей их! – кричал полковник Робертс, ведя своих солдат в атаку, его голос терялся в грохоте взрывов, но его вид, идущего впереди, удерживал строй от распада.

Особенно ожесточённый бой развернулся у Аллеи звёзд. Каменные плиты с именами актёров и режиссёров были разбиты и залиты кровью. Там загорелись бронетранспортёры, под-

битые из засад на крышах, их корпуса пылали, выбрасывая чёрный дым, а вокруг них шла рукопашная схватка. Кро-крысы прыгали с верхних уровней, рвали солдат когтями, а люди отвечали гранатами и огнём в упор. Звёзды под ногами трескались и крошились, словно сама память о прежнем городе не выдерживала происходящего.

После нескольких дней непрерывных, жестоких боёв людям всё же удалось вытеснить кро-крыс из Лос-Анджелеса. Но победа оказалась тяжёлой, почти непереносимой. Город лежал в руинах: небоскрёбы обуглились, кварталы превратились в сплошные завалы, порты и авто-страды были разрушены. Потери были чудовищными – погибло более двух третей дивизии, уничтожено около восьмидесяти процентов техники. Уцелевшие солдаты были измотаны, обожжены, оглушены, многие смотрели на мир пустыми глазами, в которых уже не было ни героизма, ни иллюзий.

Полковник Робертс стоял на руинах полуобвалившегося здания, глядя на мёртвый город, над которым поднимались столбы дыма.

– Мы выиграли битву, но не войну, – сказал он своим подчинённым глухим, усталым голосом. – Эти кро-крысы не сдадутся просто так.

Часть 3. Мир Крыс

3.1. Происхождение и эволюция

В параллельной Вселенной у Солнца тоже было девять планет, и их орбиты лишь незначительно отличались от наших. Только Марс там был заселён кро-крысами. Красная планета стала их миром не по праву рождения, а по праву завоевания: когда-то она была захвачена пришельцами с параллельной Земли. Местные формы жизни, примитивные и неорганизованные, были подчинены кро-крысам без малейшего колебания. Они действовали беспощадно, уничтожая тех, кто сопротивлялся, и превращая выживших в ресурс, обслуживающий новую власть.

А на самой параллельной Земле крысы эволюционировали в высокоразвитую цивилизацию. Миллионы лет назад, когда млекопитающие только начинали своё восхождение, условия на этой Земле сложились иначе. Климат был более жёстким, ресурсы распределялись неравномерно, и выживали лишь самые приспособленные. Вместо того чтобы доминирующим видом стали приматы, эволюция сделала ставку на грызунов. Кро-крысы, обладая высокой плодовитостью и выносливостью, научились выживать в экстремальных условиях, постепенно развив сложный мозг, прямохождение, тонкую моторику передних лап и способность к абстрактному мышлению. Их разум рос вместе с физической силой и сообразительностью, превращая некогда мелких животных в хозяев планеты.

Цивилизация кро-крыс была организована по строгой иерархии, в которой каждый знал своё место. Общество делилось на касты, и переход между ними был редким и жёстко контролируемым. Воины, учёные, рабочие и правители существовали как части единого организма, подчинённого общей цели – выживанию и расширению. Во главе стояли вожди, самые умные, сильные и жестокие из кро-крыс. Они принимали решения, определяли направления развития и вели свой народ в бой, не считаясь с потерями.

Воины составляли основу военной мощи кро-крыс. Их отбирали и обучали с раннего возраста, закаляя в тренировках и реальных схватках. Они обладали выдающейся физической силой, быстрой реакцией и ловкостью, недоступной человеку. Воины носили броню из лёгкого и прочного металла, добытого в глубоких шахтах под городами, и украшенную символами кланов. Их арсенал был разнообразен: от примитивных, но смертоносных копий и метательных орудий до сложных энергетических пушек, созданных учёными, способных прожигать броню и бетон.

Учёные были двигателем прогресса кро-крысиного общества. Именно они исследовали новые технологии, изучали природу материи и тайны Вселенной, разрабатывали оружие и средства перемещения между мирами. В их подземных лабораториях рождались не только новые типы вооружений, но и генетические модификации, усиливающие физические и умственные способности кро-крыс. Они не знали этических ограничений, считая эксперимент допустимым, если он приносит пользу всему виду.

Рабочие составляли численную основу цивилизации. Они строили города, прокладывали тоннели, добывали ресурсы, занимались сельским хозяйством и промышленным производством. Рабочие касты обладали меньшей физической силой и более простым мышлением, но их трудолюбие, выносливость и безусловная преданность общему делу позволяли обществу функционировать и процветать, не зная сомнений и колебаний.

Правители же сочетали в себе силу воина и интеллект учёного. Они направляли остальные касты, принимали стратегические решения и лично вели армии в битвах. Вождь Скар, которого люди называли Челюстью, был одним из самых известных и безжалостных правителей. Он прославился жестокостью и холодным расчётом, приведя свой народ к многочисленным победам и расширению территорий как на своей Земле, так и за её пределами.

Опыт захвата Марса показал, что кро-крысы способны расширять ареал своего существования за пределы родной планеты. Поэтому открытие портала на Землю, где жили люди, стало для них не катастрофой, а шансом. Шансом на новый мир, новые ресурсы и новую добычу.

И этот шанс дала им одна маленькая чёрная дыра – крошечная по размерам и бесконечно огромная по своим последствиям, навсегда связавшая судьбы двух цивилизаций.

3.2. Технологии и вооружение

Кро-крысы достигли поразительно высокого уровня развития технологий, объединив инженерную изобретательность с безжалостным прагматизмом. Их наука никогда не служила абстрактному познанию – каждая формула, каждый эксперимент имели прикладную цель: выживание, доминирование, расширение. Они освоили управление энергией на уровнях, недоступных человечеству, научились стабилизировать экзотические материалы, работать с гравитационными полями и искажениями пространства. Их звездолёты были компактными, угловатыми, лишёнными излишеств, но исключительно функциональными. Эти корабли могли за считанные дни пересекать всю Солнечную систему, используя импульсные двигатели и кратковременные прыжки в искривлённом пространстве. Достигнув технологий анабиоза и устойчивых сверхвысоких скоростей, кро-крысы всерьёз нацелились на ближайшие звёзды. Первые разведывательные капсулы уже ушли к Альфе Центавра, когда открылся портал на Землю, и война стала для них не помехой, а логичным продолжением экспансии.

Технологии войны были отточены до совершенства. Их оружие сочетало грубую, почти первобытную простоту с передовыми принципами физики. Воины широко использовали энергетические пушки, стреляющие сгустками плазмы, которые прожигали танковую броню и испаряли живую ткань за доли секунды. Помимо этого, кро-крысы располагали продвинутыми системами связи и разведки: нейросетевые передатчики позволяли передавать приказы без слов, а рой автономных дронов отслеживали врага в реальном времени, передавая данные напрямую в боевые подразделения. Их армии действовали как единый организм, мгновенно реагируя на изменения обстановки.

Одним из самых значимых достижений кро-крыс стали генетические модификации. Учёные вида научились переписывать ДНК с пугающей лёгкостью, создавая новые боевые формы. Ду-крысы представляли собой двуединые организмы – два сросшихся тела с общим нервным узлом. Они обладали повышенной живучестью и могли продолжать бой даже после смертельных повреждений одной из половин. Био-крысы были адаптированы к конкретным условиям: вакууму, радиации, токсичным атмосферам. Их тела покрывали хитиновые пластины или рыба чешуя, органы дыхания менялись, а кровь приобретала иные свойства. Гига-крысы были чудовищно крупными, выше человека в два раза, с утолщёнными костями, дополнительными мышечными пучками и рогами или шипами, превращавшими их в живые тараны. Мега-крысы же были вершиной безумной инженерии – многорукие, иногда двуголовые существа с дополнительными сенсорными органами, способные одновременно вести бой, координировать отряд и управлять техникой. Эти создания составляли элитные подразделения, предназначенные для прорыва самых укрепленных позиций.

Именно такие отряды были использованы при освоении Луны, где, к удивлению кро-крыс, существовала собственная разумная форма жизни – древняя, малочисленная, приспособленная к подповерхностному существованию. Лунная война была короткой и беспощадной. В условиях низкой гравитации гига- и био-крысы обладали подавляющим преимуществом. Подземные города лунных обитателей были вскрыты термобарическими зарядами, а сопротивление сломлено за считанные циклы. Те, кто не был уничтожен, стали рабочим ресурсом или объектами для экспериментов. Луна превратилась в стратегическую базу и полигон для отработки новых форм войны.

Города кро-крыс представляли собой сложнейшие системы туннелей и подземных крепостей. Они уходили на километры вглубь планетной коры, защищённые слоями породы и искусственных барьеров. Входы были замаскированы, оборона – многоуровневой, с автоматическими ловушками и энергетическими щитами. Внутри располагалось всё необходимое: жилые секции, фермы, перерабатывающие заводы, оружейные фабрики и научные лаборатории. Эти города были живыми организмами, постоянно перестраивающимися и адаптирующимися к новым условиям. В них не было места слабости – лишь подготовка к следующей войне, следующему миру и следующему шагу экспансии.

3.3. Доминирование и экспансия

Кро-крысы достигли доминирующего положения на своей Земле не случайно и не постепенно – их восхождение было стремительным и кровавым. Едва сформировав зачатки разума и коллективной организации, они начали тотальное истребление конкурентов. Другие разумные и полуразумные виды не рассматривались как соседи или партнёры, лишь как помеха или ресурс. Одни были уничтожены подчистую, целые экосистемы выжигались орбитальными ударами и биологическим оружием, другие низведены до состояния обслуживающих форм жизни: их лишали истории, памяти, способности к развитию, превращая в живые инструменты. Любое сопротивление подавлялось показательно и жестоко – города стирались с поверхности планеты, а выживших демонстративно калечили или перерабатывали в сырьё. Страх стал универсальным языком их мира.

Когда между мирами возник разрыв, кро-крысы восприняли его не как катастрофу, а как редкий дар. Новый мир означал новые ресурсы, новые территории, новых рабов и новое поле для войны. Совет правителей быстро пришёл к единому решению: экспансия неизбежна. Во главе этого похода встал Скар-Челюсть – вожак, чьё имя уже стало синонимом тотального уничтожения. Его нижняя челюсть была усилена металлическими пластинами, а морда навсегда покрыта засохшими шрамами – следами казней и ближних боёв. Скар не сомневался: Земля людей должна пасть, а её население либо погибнуть, либо стать строительным материалом для новой империи.

Цивилизация кро-крыс была построена на силе, подчинении и постоянной войне. Их технологический прогресс никогда не служил комфорту или созиданию – он был направлен исключительно на контроль, уничтожение и расширение. Каждый научный прорыв тут же превращался в оружие или средство подавления. Общество не знало понятий сострадания или личной ценности: слабый не имел права на существование, а сильный был обязан служить экспансии. В этом мире не рождались философы, поэты или художники – лишь воины, инженеры и надсмотрщики.



Особенностью кро-крыс была их трёхполюсная природа, изначально делавшая естественное размножение сложным и нестабильным. Эта проблема была решена радикально и без колебаний. С появлением развитых биотехнологий размножение стало полностью искусственным. По всей планете выросли гигантские заводы-инкубаторы, где в бесконечных рядах резервуаров выращивались новые особи. От зародыша до полностью сформированного взрослого кро-крыса проходило всего несколько дней. Генетический код заранее задавался под нужды касты: воин, рабочий, учёный. Ошибочные или «дефектные» особи утилизировались без промедления. Рождение перестало быть чудом и превратилось в промышленный процесс.

В такой системе не было места чувствам. Любовь, дружба, привязанность, милосердие считались проявлением слабости и подлежали искоренению. Кро-крысы не создавали искусства – им были чужды музыка, танец, театр, живопись. Они не оставляли памятников, не писали эпосов, не хранили легенд. Не существовало и религии: вера в добро или высшие силы противоречила их картине мира. Они верили лишь в силу, иерархию и неизбежность войны.

Война была их дыханием, их историей и их будущим. В мирное время они лишь готовились к следующему конфликту, совершенствуя оружие и армию. В бою же чувствовали себя по-настоящему живыми. Для кро-крыс Вселенная была не домом, а добычей. И Земля людей стала для них очередной целью в бесконечной цепи завоеваний, где пощады не существовало и не могло существовать по определению.

Часть 4. Сопротивление

4.1. Организация обороны

По всему миру, словно нервная система умирающей, но ещё сопротивляющейся планеты, начали возникать очаги сопротивления. Там, куда кро-крысы по тем или иным причинам ещё не добрались, люди спешно объединялись, забывая о границах, идеологиях и старых конфликтах. В пустынях Намибии и Алжира создавались мобильные базы, замаскированные под караванные лагеря; в горах Таджикистана и Ирана укрепляли перевалы и тоннели, превращая их в естественные крепости; в Уйгуристане и Сибири уходили под землю, используя старые шахты и бункеры; на Камчатке опирались на вулканические плато и труднодоступные побережья; в джунглях Коста-Рики и Перу лагерь растворялись в зелёной массе лесов; Куба же превратилась в сплошную военную зону, где каждый порт и аэродром готовили к последнему рубежу обороны. Люди учились воевать заново – мелкими группами, внезапно, жестоко, понимая, что противник превосходит их числом, силой и холодной логикой.

Параллельно с этим научные центры, уцелевшие или созданные наспех, работали без сна и отдыха. Физики, астрофизики, математики, инженеры и военные теоретики пытались осмыслить саму природу разрыва между мирами. Закрыть его обычными средствами было невозможно, но замедлить проникновение – да. Каждый день промедления означал новые захваченные города и миллионы жертв, и потому время стало самым дефицитным ресурсом человечества.

В Ташкенте, в уцелевшем корпусе Академии наук, за толстыми стенами и экранами радиационной защиты работала профессор Зухра Хамидова. Невысокая, сухощавая женщина с уже тронутыми сединой волосами, собранными в строгий пучок, она обладала цепким, почти беспощадным взглядом человека, привыкшего думать на несколько шагов вперёд. За её плечами были десятилетия работы в области теоретической физики и гравитационных аномалий, и теперь весь этот опыт оказался нужен как никогда.

– Если мы сможем стабилизировать искажения пространства, – спокойно, почти буднично говорила она, указывая на дрожащие голограммы расчётов, – мы сможем предотвратить дальнейшее проникновение крыс.

– Но для этого нам нужна чёрная дыра! – не выдержал академик Ахмед Рузметов.

Рузметов был полной противоположностью Хамидовой: высокий, широкоплечий, с густыми бровями и усталым лицом человека, которого слишком долго преследовали неудачные эксперименты и похорошки учеников. В прошлом – блестящий инженер-ядерщик, он привык мыслить масштабами взрывов и мегатонн, а не абстрактных многомерных уравнений.

– Не обязательно, – покачала головой Зухра. – Нам достаточно энергии нашего атомного оружия.

В зале повисла тяжёлая тишина.



– Мы используем его не как оружие, – продолжила она, – а как инструмент. Разрыв между мирами держится на резонансе гравитационных и квантовых колебаний. Параллельная Земля словно зацепилась за нашу Вселенную, как осколок за ткань. Если мы создадим направленный каскад ядерных взрывов в строго рассчитанных точках, мы сможем вызвать контролируемый сдвиг пространства.

– Сместить... целую планету? – глухо спросил Рузметов.

– Не физически, – ответила Хамидова. – Топологически. Мы нарушим синхронизацию фаз между нашими мирами. Проще говоря, выйдем параллельную Землю из общего континуума, лишив кро-крыс возможности удерживать порталы. Разрыв схлопнется сам, как рана без подпитки.

Она вывела на экран схему: цепь подземных ядерных зарядов, расположенных по дуге вдоль линии максимальных пространственных искажений.

– Риск колоссальный, – добавила Зухра тихо. – Возможны землетрясения, радиационные выбросы, локальные провалы пространства. Но если мы ничего не сделаем, у человечества не останется ни Земли, ни будущего.

Академик медленно кивнул. Все в зале понимали: это не план спасения, а план последнего шанса.

4.2. Разведка

Группы разведки уходили за линию контроля кро-крыс почти без шансов на возвращение. Это были малые отряды – по пять, семь человек, – действовавшие в разрушенных городах, в мёртвых промышленных зонах и на территориях, где реальность ещё не до конца определилась, кому она принадлежит. Именно они первыми принесли сведения, от которых у аналитиков холодело внутри: кро-крысы не были хаотичной ордой. Это была высокоорганизованная, дисциплинированная цивилизация с чёткой социальной и военной иерархией. Во главе вторжения стоял единый лидер – огромная, покрытая шрамами крыса по имени Скар-Челюсть. Его тело было массивнее остальных, челюсти усилены металлическими накладками, вживлёнными прямо в кость, а взгляд – холодным и расчётливым. Он не бросался в бой без нужды, пред-

почитая управлять армиями из укрепленных командных узлов, и именно его приказы координировали вторжение на Землю из параллельного мира, делая его не стихийным бедствием, а спланированной кампанией на уничтожение.

– Они планируют масштабное наступление, – докладывал капитан Марк Хьюз, вернувшись из глубокой разведывательной миссии.

Хьюз был жилистым, изможденным мужчиной лет сорока, с впалыми щеками и глазами человека, который слишком много видел и слишком мало спал. Его форма была прожжена в нескольких местах, а на левом предплечье тянулся свежий шрам – след от кро-крысиного энергетического оружия.

– Это не просто атаки, – продолжал он, выкладывая на стол планшеты, распечатки и обломки чужих устройств. – Это этапы. Захват узлов, подавление сопротивления, зачистка территории и закрепление. У них есть штабы, склады, линии снабжения, разведка и контрразведка. Они используют биомодифицированных бойцов для штурмов, гига-крыс как живые тараны и ду-крыс в роли командиров на поле боя. Мы перехватили их сигналы и схемы обороны. Если они начнут наступление одновременно на нескольких континентах, мы можем не удержаться.

Эти сведения легли в основу экстренного совещания, которое прошло в Вашингтоне. В одном зале собрались более пятисот человек: министры обороны, президенты и премьер-министры, короли и эмиры, вожди кланов и глав племенных государств. Никогда прежде человечество не собиралось в таком составе – и никогда повод не был столь мрачным.

Первой выступила профессор Зухра Хамидова. Она говорила четко и без лишних эмоций, объясняя возможность отсечения нашей Земли от её параллельного клона. На экранах появлялись схемы пространственных резонансов, точки максимальных искажений, расчёты вероятностей.

– Это не победа, – подчеркнула она. – Это способ перекрыть поток. Мы лишим кро-крыс подкреплений и возможности отступления. Но цена будет высокой, и последствия – непредсказуемыми.

Вторым выступил полковник Робертс Иштван. Его план контрнаступления разрабатывался совместно военными специалистами из России, Китая, Индии, Колумбии, США, Германии, Великобритании, Италии, Израиля и Южной Кореи. На карте вспыхивали зоны ударов, маршруты наступлений, точки применения новых видов оружия.

– Мы будем использовать самые современные технологии, – говорил он твёрдо, – включая лазерные комплексы, орбитальные платформы и экспериментальные системы подавления их биосвязи. Мы ударим по сердцу их армии, по командным центрам. Но для этого нам нужны подразделения, готовые идти туда, откуда можно не вернуться.

Генералы и министры один за другим поднимались, обещая людей, технику, ресурсы. Кто-то говорил о спецназе, кто-то – о добровольцах, кто-то – о последних резервах. Это было не соревнование, а признание: другого выхода нет.

На фоне глобальной войны люди продолжали бороться за выживание. В мегаполисах возникали бункеры и подземные убежища, станции метро превращались в города под городами. Обычные граждане становились героями – медсёстры, учителя, водители, пенсионеры.

– Мы должны держаться вместе, – говорил старый Джек Николсон, лидер одной из таких общин в Нью-Йорке.

Он был седым, худым, с потрёпанной курткой и голосом, в котором звучала усталость, но не сломленность. В прошлом – профсоюзный активист, теперь он командовал отрядом из бывших рабочих, студентов и эмигрантов.

Ночами они выходили на поверхность, устраивая засады в завалах улиц, отвлекая кро-крыс, отбивая людей из их лап. Бои были короткими и жестокими: выстрелы, взрывы самодельных зарядов, крики, вспышки чужого оружия. Иногда удавалось спасти нескольких чело-

век, иногда – никого. Но каждое такое столкновение было доказательством: человечество ещё живо и ещё сопротивляется.

Часть 5. Битва на равнинах

5.1. Подготовка к сражению

На рассвете, в тот зыбкий час между ночью и утром, когда холодное утреннее солнце лишь угадывалось за линией океана, воздух был влажным и тяжёлым, пропитанным солью и запахом мокрого песка. Было около пяти утра. Низкие облака тянулись над горизонтом равными полосами, и редкий ветер с Карибского моря колыхал пальмы, заставляя их тихо скрипеть, словно предупреждая о надвигающейся беде. Небо постепенно светлело, окрашиваясь в бледно-стальной цвет, и в этом тусклом свете готовилась решающая схватка.

Это был Канкун – когда-то ослепительно яркий курорт Мексики, город белых пляжей, отелей и туристического шума. Теперь же он выглядел изломанным и опустевшим. Полуразрушенные гостиничные комплексы зияли выбитыми окнами, набережная была изрыта воронками, а среди пальм тянулись линии окопов и временных укреплений. Бирюзовое море всё так же спокойно плескалось у берега, равнодушное к тому, что на суше собирались армии, готовые пролить кровь за судьбу планеты.

Полковник Робертс стоял на вершине невысокого холма, откуда открывался вид на город и прибрежную равнину. Его силуэт чётко выделялся на фоне светлеющего неба. Он молча наблюдал, как подразделения занимают позиции. Внизу выстраивались тяжёлые танки с закопчёнными стволами, их гусеницы медленно перемалывали песок и щебень. Вертолёты зависали на низкой высоте, их лопасти резали воздух тяжёлым, давящим гулом. Пехота рассредоточивалась между руинами, вдоль дорог и на крышах уцелевших зданий, готовясь встретить врага.

– Сегодня мы покажем этим тварям, что люди не сдаются, – громко сказал Робертс, поднимая сжатый кулак. – Защитим нашу Землю!

Экипажи танков в последний раз проверяли прицелы, связь и боекомплект, стучали по броне, словно по живому телу машины. Пилоты вертолётов пристёгивались, прогоняли двигатели на разных режимах, сверялись с координатами целей. Пехотинцы занимали огневые точки, раскладывали боеприпасы, устанавливали переносные ракетные комплексы и тяжёлые пулемёты. Командиры склонялись над картами, отдавали короткие, резкие приказы, а в наушниках бойцов трещали радиопереговоры, полные напряжённого ожидания.

Капелланы разных конфессий шли вдоль рядов. Один тихо читал молитву, держа крест, другой расстилал коврик на песке и шептал слова, обращённые к небу, третий просто молча клал руку на плечо солдата. Люди крестились, закрывали глаза, сжимали амулеты, фотографии близких, жетоны. Все понимали: впереди может не быть ни вечера, ни завтрашнего дня.

Армия была интернациональной до предела. Здесь стояли плечом к плечу бойцы из Кривого Рога и Самарканда, с Донбасса и из Дубая, из Пекина и Мумбаи, Куала-Лумпура и Сиднея. Они говорили на разных языках, с разными акцентами, но жесты, взгляды и короткие команды были понятны без слов. В этот момент их объединяло не происхождение и не флаг, а общее понимание: если они отступят здесь, отступить будет уже некуда.

5.2. Первые выстрелы

Внезапно из-за линии океанского горизонта, там, где ещё минуту назад светлое утро казалось обманчиво мирным, показались они. Кро-крысы выходили волнами, плотными, почти геометрически выверенными построениями. Их армии двигались с неестественной для живых существ скоростью – короткими, пружинящими рывками, словно сама гравитация подталкивала их вперёд. Над массой тел возвышались гига-крысы, обвешанные броневыми пластинами и излучателями, между отрядами скользили ду-крысы-командиры, раздавая приказы через встроенные в черепа передатчики. В их лапах мерцали энергетические пушки, холодным синим и багровым светом прорезая утренний воздух.

Первый залп пришёлся по небу. Лазерные лучи и плазменные ступки вспарывали пространство, оставляя за собой рваные следы, и в считанные секунды воздушное пространство превратилось в ад. Сбитые и охваченные огнём «Миражи», «МиГи», «Сушки», «Фантомы», «Апачи», «Чёрные акулы» и десятки других машин падали к земле, вращаясь, взрываясь в воздухе или врезаясь в песок и руины Канкуна. Горящие обломки сыпались вниз, а пилоты, которым не повезло катапультироваться, исчезали в вспышках.

Полковник Робертс, не отрывая взгляда от поля боя, поднял руку и резко опустил её.
– Огонь!



Ответом стал рёв тяжёлой артиллерии. Самоходные гаубицы и дальнобойные орудия выплюнули первые снаряды, и через секунды передовые ряды кро-крыс накрыли взрывы. Земля вздыбилась, песок, бетон и тела взлетали вверх чёрными фонтанами, ударная волна прокатилась по берегу, выбивая стекла и срывая остатки фасадов.

Танки двинулись вперёд, грохоча гусеницами, их пушки били прямой наводкой, разрывая скопления врага и оставляя дымящиеся воронки. Новые группы вертолётов вырвались из-за зданий и пальмовых рощ, поднимаясь под огнём, их лопасти с визгом резали воздух. Ракеты сходили с пилонов одна за другой, врезаясь в ряды кро-крыс и взрываясь ослепительными вспышками. Над полем боя снова появились штурмовики и бомбардировщики, утюжа полосы наступления противника ковровыми ударами.

Пехота, прижавшись к бронетранспортёрам и развалинам, открыла плотный огонь. Автоматные очереди сливались в сплошной гул, гранатомёты били по тяжёлым целям, разрывая броню гига-крыс. Миномёты ухали глухо и методично, посылая снаряды по навесной траектории, и каждый раз через несколько секунд впереди вспухали новые взрывы. Воздух наполнился дымом, гарью, запахом озона и раскалённого металла. Канкун окончательно перестал быть городом – он стал ареной, где решалась судьба Земли.

5.3. Жестокая битва

Сражение разгорелось с нечеловеческой яростью. Кро-крысы, с их шершавой кожей, металлическими вставками на лапах и плечах, с горящими глазами и сверкающими когтями, отбивались с невероятной координацией. Энергетические пушки, которые они держали в лапах и на спинах гига-крыс, стреляли ярко-синими и багровыми разрядами, пробивая броню танков, как если бы она была сделана из тонкой бумаги. Каждый выстрел сопровождался визгом перегретой стали и запахом озона.

Один из танков, «Абрамс» с закопчённой бронёй, попал под прямой выстрел плазмы. Взрыв был мгновенным и катастрофическим: башня разлетелась в пламени, снаряды детонировали, железо искрило и плавилось, а экипаж, состоящий из четырёх человек, обратился в облако огненного пепла, оставив после себя лишь тёмные, обугленные следы на песке. Вокруг стояли солдаты, оцепеневшие от ужаса и ярости одновременно, видя, как дружеская техника и люди исчезают за доли секунды.

– Держите линию! – кричал полковник Робертс, голос его прорезал гул сражения. – Не отступать!

Вертолёты кружили над полем боя, осыпая крысиные позиции ракетами и пулеметным огнём. Их лопасти срывали пыль с земли, а трассеры ослепляли врага вспышками. Но кро-крысы были неумолимы. Мобильные подразделения с переносными энергетическими установками, наподобие рюкзаков с мини-пушками, мгновенно реагировали на атакующих. Один за другим вертолёты превращались в огненные шары, разворачивавшиеся в пламени и дыму, падая на землю с визгом, перекачываясь по песку и обрушивая огонь на позиции пехоты. Раненных людей они терзали своими стальными когтями, разрывая броню и плоть, не оставляя шансов на спасение. Плен был им чужд – для кро-крыс существовал лишь закон войны: мясо и победа.

Если смотреть на это из космоса, Карибское побережье Канкуна было усеяно огненными вспышками. Сквозь атмосферу виднелись тысячи, если не миллионы, разрывов – от снарядов, ракет, взрывов танков и вертолетов. Лазерные лучи прорезали воздух, оставляя яркие полосы, как электрические шрамы, пронзающие землю и руины. Полоса за полосой, вспышка за вспышкой – на первый взгляд, это казалось хаотичной игрой света, но на самом деле это была кровавая симфония войны, в которой решалась судьба Земли.

5.4. Героизм и самопожертвование

В самый разгар боя вперёд ринулся старший лейтенант Тимур Умурзаков. Высокий, сухощавый, с тёмным, обветренным лицом и прищуренными глазами, он выглядел старше своих лет. В его движениях чувствовалась привычка к опасности и та спокойная решимость, которая появляется у человека, много раз смотревшего смерти в лицо и не отведшего взгляд. Тимур поднял руку, коротко крикнул команду – и его бойцы сорвались с места, устремляясь к цитадели кро-крыс, выросшей среди бетонных развалин и металлических наростов чужой архитектуры.

Под прикрытием дымов и огня рота прорвалась вперёд. Пулемётный расчёт лёг на фланге и дал непрерывную очередь, срезая всё, что пыталось поднять голову. Энергетические щиты кро-крыс трескались и гасли под шквальным огнём, и вскоре дорога была расчищена. На земле валялись десятки тел грызунов – изуродованных, обугленных, разорванных пулями и осколками. Даже их чудовищная регенерация не выдержала плотности огня. Огнемётчики шагнули вперёд и короткими струями огня добивали ещё шевелящуюся нечисть, превращая её в чёрные, дымящиеся силуэты.

Но война не прощает самоуверенности. В одном из узких переулков, заваленном обломками и чуждыми конструкциями, Умурзаков попал в засаду. Из тени выскользнула кро-крыса, массивная, с вживлённым в грудь плазмомётом. Оружие засветилось, набирая заряд. Времени не было.

Сержант Иван Сидорчук шагнул вперёд без колебаний. Коренастый, широкоплечий, с простым, усталым лицом, он даже не крикнул. Он просто закрыл командира собой. Плазменный разряд ударил в грудь, и тело Сидорчука вспыхнуло ослепительным светом. За долю секунды броня расплавилась, плоть обуглилась, и сержант рухнул на землю, всё ещё стоя на коленях. Он умер мгновенно – но успел сделать главное.

– Ваня... – выдохнул Тимур, и в этом коротком звуке было всё.

Он вскинул автомат и тут же выпустил гранату из подствольного гранатомёта. Взрыв разорвал кро-крысу на части, швырнув клочья плоти и металла в стены переулка. Бойцы ворвались следом, добывая остатки засады.

Позже, уже после боя, захваченное оружие кро-крыс передали учёным. Выяснилось, что плазмомёты были жёстко настроены на генетику грызунов и не реагировали на людей. Но принцип работы – компактный генератор, магнитное удержание плазмы и импульсный выброс – был понят. На его основе земные инженеры создали первые человеческие аналоги: тяжёлые, грубые, но рабочие пистолеты с плазменным выстрелом. Они грелись, жрали энергию и требовали доработки, но это было начало. Начало оружия, которым человечество смогло ответить кро-крысам их же огнём.

Капитан Сара Хьюз, командир танкового подразделения Великобритании, была женщиной с жёстким, почти угловатым лицом и коротко остриженными светлыми волосами, выбивавшимися из-под шлема. В её серо-стальных глазах не было паники – только холодная концентрация. Сквозь смотровую щель она видела, как один за другим её танки выходят из строя: у одного срывало башню прямым попаданием плазмы, другой останавливался, окутанный дымом, с расплавленными гусеницами, третий просто глож, пробитый энергетическим импульсом, выжегшим электронику до основания. Экипажи горели заживо или выскакивали наружу, чтобы быть скошенными огнём кро-крыс.

Сара знала: ещё минута промедления – и участок будет потерян. Она резко распахнула люк, выскочила из танка под свист осколков и плазменных разрядов, прижалась к броне и схватила рацию.

– Все свободные подразделения, на меня! – кричала она, перекрывая грохот боя. – Прорыв на юго-запад, сейчас!

Её голос, спокойный и властный, словно собирал рассыпающиеся силы в единый кулак. Оставшиеся танки развернулись и пошли вперёд, пехота поднялась из укрытий и побежала следом, укрываясь за бронёй. Первая линия обороны кро-крыс на юго-западе Канкуна дрогнула. Танковые орудия били почти в упор, превращая укрепления грызунов в груды искорёженного металла и обугленных тел. Соппротивление было подавлено, но ценой тяжёлых потерь – горели машины, поле боя было усеяно телами людей и крыс.

Особый героизм проявили экипажи танков Эдварда Шваровски, Пола Шнэдэла и Мартина Рикии. Машина Шваровски, получившая прямое попадание в лобовую броню, продолжала вести огонь, пока не иссяк боекомплект; танк Шнэдэла, с перебитой связью и горячей кормой, выкатился вперёд и прикрыл отход пехоты, приняв на себя несколько плазменных ударов; экипаж Рикии пошёл на таран, раздавив укрепленный узел кро-крыс и взорвавшись вместе с ним. Их действия позволили удержать прорыв и закрепиться на новой линии.

В этот момент кро-крысы бросили в бой своих элитных воинов. Из дымов и развалин вышли генетически модифицированные бойцы – выше человека, с утолщёнными мышцами, костяными наростами и металлическими шипами, вживлёнными прямо в плоть. Их движения были быстрыми, хищными, почти кошачьими. Они ворвались в позиции «морских котиков» США, и завязался жестокий рукопашный бой.

Это была схватка на расстоянии вытянутой руки. Ножи, приклады, штыки, голые руки – всё шло в ход. Кро-крысы рвали людей когтями, ломали кости ударами, пытались укусить, но «котики» держались, действуя слаженно, прикрывая друг друга. Гранаты взрывались почти

под ногами, ослепляя и калеча обе стороны. Один за другим бойцы падали в пыль и кровь, и никто не отступал. В этом аду не было ни тактики, ни красивых манёвров – только ярость, боль и отчаянная воля выжить.

Поля сражения превратились в настоящий ад. Горели танки, их корпуса плавилась и оседали в дыму, боеприпасы детонировали один за другим, разрывая землю и воздух. В небе вспыхивали лазерные лучи и ракеты, оставляя светящиеся шрамы, а затем исчезая в огненных всполохах. Люди и крысы сражались до последнего дыхания, уже не думая о победе или поражении – только о том, чтобы устоять ещё мгновение, ещё шаг.

Полковник Робертс, наблюдая за полем боя через дым и огонь, понял, что ресурсы иссякают. Подразделения таяли, техника была почти уничтожена, а кро-крысы, несмотря на потери, продолжали давить. Это решение резало по живому, но другого выхода не было.

– Отступаем на вторую линию обороны! – приказал он по всем каналам. – Мы не можем продвигаться дальше и удерживать позиции, но не можем позволить им прорваться дальше!

Остатки армии начали организованное отступление. Пехота отходила перебежками, прикрывая друг друга огнём, танки и бронетранспортёры, ещё способные двигаться, становились заслоном, принимая на себя удары. Раненых вытаскивали из-под огня, иногда буквально на руках, иногда – оставляя, если выбора не оставалось. Война не щадила никого.

Капитан Хьюз и её подразделение остались на передовой. Их танки, изрешечённые и закопчённые, заняли оборонительные позиции, ведя огонь почти в упор, чтобы сдерживать натиск кро-крыс и дать основным силам уйти. Где-то в стороне остатки роты Умурзакова вышли из города, неся с собой трофейное оружие кро-крыс – тяжёлое, чуждое, но бесценное для будущих боёв.

– Мы должны удержать их здесь, – сказала Сара Хьюз своим бойцам, глядя на пылающий Канкун. – Каждый метр этой земли – это наш дом.

Её слова не были пафосом. Это был приказ, клятва и приговор одновременно.

5.5. Последний рубеж

Когда основные силы отошли на безопасное расстояние, капитан Хьюз и её бойцы остались на своих позициях, будто выросли в выжженную землю. Они понимали, что отхода для них уже не будет, и потому сражались молча, сосредоточенно, экономя каждый выстрел. Патроны заканчивались, орудия перегревались, ракеты одна за другой замолкали, но они продолжали держать линию. Раненые стреляли, опираясь на разбитые борта машин, механики под огнём пытались завести подбитые танки, чтобы использовать их как неподвижные огневые точки. Когда заканчивались боеприпасы, в ход шли гранаты, личное оружие, а потом и просто время, выигранное ценой жизни. Их сопротивление было не героическим жестом, а тяжёлой, упрямой работой – задержать врага любой ценой, чтобы остальные успели подготовиться к следующему этапу войны.

Полковник Робертс наблюдал за этим с отдалённого холма. Сквозь бинокль он видел вспышки выстрелов, силуэты людей на фоне огня, а затем – как эти силуэты исчезали один за другим. Он различал отдельные эпизоды боя, но не мог помочь, не мог вмешаться, мог только смотреть и запоминать.

– Мы не забудем их жертву, – прошептал он. – Они не умрут напрасно.

В его словах не было ни торжественности, ни утешения. Это была горькая фиксация факта: эти люди уже мертвы, и их смерть должна иметь смысл, иначе война окончательно превратится в бессмысленную бойню.

Сражение на равнинах стало поворотным моментом в войне между людьми и кро-крысами. Люди заплатили за него слишком высокую цену, но смогли остановить наступление врага и выстроить новую линию обороны. Фронт стабилизировался, пусть и ненадолго. В это время

учёные, работавшие в бункерах и подземных комплексах, продолжали искать способ закрыть разрыв между мирами, понимая, что каждая отсрочка – это новые жертвы на поверхности.

Эта битва показала не силу и не величие человечества, а его упорство. Люди не побеждали – они просто не отступали, даже когда было легче отступить. Солдаты делали то, что считали необходимым, не думая о примерах и символах, и именно поэтому их действия стали ориентиром для остальных: если они выстояли там, значит, можно держаться и дальше.

Этот бой лишил кро-крыс возможности продвигаться вперёд. Они затаились, отступили в занятые районы, укрепляя позиции и ожидая подкреплений из своего параллельного мира. А на той Земле уже работали заводы-инкубаторы: в огромных биореакторах, под холодным светом ламп, за считанные дни выращивались новые солдаты. Их тела формировались по заранее заданным шаблонам, без памяти, без сомнений, только с вложенной программой войны. Кро-крысы готовились к новой попытке – молча, методично, как это делали всегда.

Часть 6. Последний бой

6.1. Подготовка к решающему сражению

Все силы были брошены на подготовку к решающему сражению, которое должно было развернуться под Минском. Равнины, лесные массивы и бывшие сельскохозяйственные угодья превратились в гигантские военные лагеря. Здесь вместе тренировались бойцы из десятков стран: спецназовцы учились действовать в плотной застройке, танковые экипажи отрабатывали манёвры в условиях радиоэлектронного подавления, пехота – взаимодействие с беспилотниками и артиллерией. Языковые различия стирались на полигонах: жесты, сигналы, короткие команды становились универсальными. Подтягивалась авиация – истребители дежурили в воздухе, стратегические бомбардировщики стояли на удалённых аэродромах, готовые к взлёту. Бронетанковые войска выстраивались эшелонами, живая сила прибывала эшелон за эшелон, заполняя лагеря, палатки, ангары, заброшенные фабрики и школы.

Президент Беларуси выступал несколько раз в день, обращаясь не только к своему народу, но и ко всему миру. Он говорил без дипломатических обиняков, жёстко и прямо: сейчас не время считать деньги, ресурсы, рейтинги и амбиции. Он требовал от союзников и нейтральных стран одного – вложить всё, что есть, в эту битву. По его словам, если кро-крыс не остановить здесь, под Минском, дальше уже не будет ни границ, ни столиц, ни договоров. Он повторял, что это не война одной страны и не одного континента, а вопрос выживания человеческого вида, и ответственность за поражение ляжет на всех, кто решит отсидеться в стороне.

Научные центры Ташкента, Сан-Франциско, Пекина и Женевы работали круглосуточно. Люди спали прямо в лабораториях, на раскладушках и полу, ели на ходу, не снимая защитных халатов. Экраны были забиты формулами, моделями и графиками, а видеосвязь между континентами не прерывалась ни на минуту.

– Это наша последняя надежда, – сказала профессор Хамидова, указывая на сложную схему стабилизации пространства. – Если мы не успеем, мир окажется под угрозой уничтожения.

Учёные из других стран тут же подключались к расчётам, проверяли гипотезы, спорили, ошибались, начинали заново. Армия предоставила ядерное оружие без обычных ограничений и протоколов – теперь оно рассматривалось не как средство сдерживания, а как инструмент физического воздействия на саму структуру пространства. В Женеве шла подготовка к запуску Большого адронного коллайдера в режиме, для которого он никогда не предназначался. План был отчаянным и опасным: с помощью коллайдера открыть управляемый портал, а затем поочерёдно направить в него ядерные заряды, создавая колоссальные выбросы энергии. Эти импульсы должны были симитировать свойства чёрной дыры – не в виде объекта, а как процесс, разрушающий устойчивость переходов между мирами.

Расчёты показывали, что такой удар может «сломать» саму геометрию разрыва, выбить параллельную Землю из резонанса с нашей Вселенной и навсегда закрыть проходы. Цена ошибки была абсолютной: либо порталы исчезнут, либо последствия окажутся непредсказуемыми для всей планеты. Но выбора уже не оставалось. Пока под Минском готовились армии, в лабораториях решалась судьба мира – холодно, точно и без иллюзий.

6.2. Нападение на штаб крыс

Наконец, наступил день решающего боя. Утро было свинцовым и тяжёлым, низкое небо нависало над разрушенным Минском, из которого торчали обугленные остовы домов, мёртвые мосты и черные провалы улиц. Снег, смешанный с пеплом и сажей, хрустел под сапогами, пахло гарью, металлом и чем-то кислым, чужим – запахом кро-крыс. Люди атаковали штаб крыс, скрытый в центральных кварталах бывшей столицы. Солдаты шли плечом к плечу, не огляды-

ваясь, не считая шаги и потери. Здесь уже никто не говорил о победе – говорили только о том, чтобы дойти до конца.

– Вперёд! – кричал полковник Робертс, ведя своих людей через завалы и простреливаемые площади. – Мы должны победить!

Авиация открыла дорогу ковровым бомбометанием. Небо гудело и дрожало, словно натянутая струна. Бомбы ложились плотными сериями, превращая кварталы в выжженную пустоту. Сотни тысяч кро-крыс остались мёртвыми на снегу – разорванные, обугленные, вдавленные в землю взрывной волной. Снег почернел и покраснел, пар поднимался над полем смерти. А потом в этот ад вошли дивизии. Начался городской бой – вязкий, кровавый, беспощадный. Сражались за подъезды, за лестничные пролёты, за подземные переходы метро. Крысы выскакивали из проломов, вентиляционных шахт, подвалов, били в упор плазмой, резали когтями. Люди отвечали автоматным огнём, огнемётами, гранатами, шли врукопашную, падали, поднимались и снова шли вперёд.

Кульминация наступила в развалинах бывшего правительственного комплекса. Там, среди обрушенных колонн и перекошенных стен, полковник Робертс со своим отрядом столкнулся лицом к лицу с вождём кро-крыс – Скар, которого люди называли Челюстью. Он был огромен, выше человека, покрыт шрамами и костяными пластинами, его пасть раскрывалась слишком широко, обнажая ряды тёмных, зазубренных зубов. В руке он держал клинковое оружие из чуждого металла – изогнутое, тяжёлое, испещрённое рунами.

Робертс отбросил пустой автомат и вытащил нож. Они сошлись молча, без криков. Скар бил быстро и яростно, каждый его удар мог переломить кости, рассечь человека надвое. Робертс уклонялся, принимал удары на предплечье, чувствовал, как металл скользит по броне, как вибрация отзывается в костях. Один удар рассёк ему плечо, кровь мгновенно пропитала форму. В ответ он вонзил нож в бок вождя, но тот лишь взревел и отбросил человека ударом лапы. Робертс упал, поднялся, снова пошёл вперёд. Последний удар был почти отчаянным: он сблизился вплотную, позволив Челюсти вцепиться в его броню, и вогнал нож снизу вверх, под челюсть, туда, где сходились пластины. Скар дёрнулся, захрипел, его огромное тело задрожало и рухнуло на бетон, сотрясая руины.

Бой вокруг стихал. Лишённые вождя, приспешники Скара были добиты или разбежались по подземельям.

– Мы сделали это, – сказал Робертс, тяжело дыша, глядя на мёртвого врага. – Но какой ценой...

Цена лежала вокруг. На поле брани остались шестьдесят тысяч человеческих тел – вперемишку, в грязи, на снегу, под обломками. Между ними торчали сгоревшие корпуса двадцати тысяч танков, бронемашин, систем залпового огня, искорёженные орудия, расплавленные гусеницы. Минск перестал быть городом – он стал огромным кладбищем, памятником войне, в которой человечество выжило, заплатив за это почти непомерную цену.

6.3. Закрытие разрыва

В это время в Большом адронном коллайдере всё было готово. Под землёй, в холодных и стерильных залах, профессор Зухра Хамидова и её команда завершили последние приготовления устройства стабилизации пространства. Гул систем охлаждения сливался с низким, почти живым грохотом колец коллайдера, разгонявшего пучки частиц до предельных скоростей. Когда дали команду на запуск, бетонные стены дрогнули, а приборы вспыхнули тревожным, но стабильным светом.

Коллайдер вышел на рабочий режим. В заранее рассчитанные моменты в сформированный тоннель искажения поочерёдно вводились ядерные заряды малой мощности. Они не взрывались привычно – вспышек и огненных грибов не было. Внутри искажённого пространства происходил иной процесс: энергия взрыва схлопывалась, сжималась, создавая кратковремен-

ные гравитационные провалы, имитируя рождение и гибель микрочёрных дыр. Каждый такой импульс рвал структуру прохода между мирами, ломал его, словно хрупкий каркас.

Разрыв начал дрожать, сжиматься, терять устойчивость. По всей Земле это ощущалось как внезапная тяжесть в воздухе, как будто сама реальность делала глубокий вдох. Остатки кро-крыс, где бы они ни находились, начали исчезать – их тела вытягивало, искажало, рвало на части, втягивая обратно в их параллельный мир. Их крики глохли, растворяясь в пустоте. Портал схлопнулся окончательно, оставив после себя лишь слабый гравитационный след, который быстро угас.

– Мы спасли наш мир, – тихо сказала Зухра, наблюдая за графиками, которые один за другим возвращались в зелёную зону. – Но нам предстоит долгий путь к восстановлению.

Мир действительно начал медленно возвращаться к жизни. Люди выходили из убежищ, расчищали улицы, поднимали из руин города, заново учились жить без постоянного гула тревоги. Память о войне осталась в каждом – в шрамах, в пустых глазницах домов, в списках погибших, которые невозможно было дочитать до конца. И всё же люди держались вместе, понимая, что только так можно выжить.

Полковник Робертс и профессор Хамидова стояли на руинах, где когда-то кипела битва. Над горизонтом медленно поднималось солнце, окрашивая разрушенные здания в мягкий, почти мирный свет. Утро было холодным, но ясным, и в этом холоде уже не чувствовалось враждебности.

– Мы победили, – сказала Зухра. – Но теперь нам нужно строить новый мир.

– И мы это сделаем, – ответил Робертс. – Вместе.

Прошло десять лет. Земля так и не залечила все раны войны с кро-крысами. Десятки городов оставались полуразрушенными, экология восстанавливалась медленно и болезненно, многие территории были навсегда потеряны. Но люди не сомневались, что справятся. Они помнили, какой ценой далась эта победа, и знали: где-то за пределами привычной реальности существуют другие миры и другие враги.

И потому человечество больше никогда не позволило себе быть разрозненным. Оно жило, строило, училось и всегда было готово к войне – не из жадности разрушения, а из желания сохранить свой хрупкий, упрямо живой мир.

(6 июля 2024 года, Винтертур)

СМЕРТЬ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ (Апокалиптический рассказ)

Пролог

1990 год. Ночь была ясной и тихой, из тех редких ночей, когда воздух кажется прозрачным до хруста, а звёзды висят над землёй не как далёкие точки, а как живые, холодные огни. Не было ни ветра, ни облаков, лишь глубокая, почти торжественная тишина, нарушаемая редким стрёкотом приборов в куполах обсерваторий. Казалось, сама планета затаила дыхание. Именно в эту ночь обсерватории по всему миру начали фиксировать нечто необычайное.

Астрономы из разных стран, следившие за Бетельгейзе, одной из самых ярких и самых больших звёзд в созвездии Ориона, почти одновременно заметили резкое увеличение её яркости. Бетельгейзе была красным сверхгигантом – колоссом, диаметр которого в сотни раз превышал диаметр Солнца. Если бы её поместили в центр Солнечной системы, она поглотила бы орбиты Меркурия, Венеры и, возможно, Земли. Расположенная примерно в шестистах пятидесяти световых годах от нас, она давно считалась обречённой: её масса, нестабильные пульсации, выбросы вещества и постепенное угасание свидетельствовали о том, что термоядерное сердце звезды доживает последние мгновения по космическим меркам. Обычно Бетельгейзе светила тёплым, тёмно-оранжевым светом, меняя яркость медленно и предсказуемо, но теперь приборы фиксировали скачок, не вписывающийся ни в одну модель.

Их телескопы, направленные на эту гигантскую звезду, показывали потрясающее зрелище: Бетельгейзе начала светиться всё ярче и ярче, словно в последние мгновения своей жизни она решила подарить Вселенной неповторимое, ослепительное зрелище. Свет усиливался лавинообразно, выходя за пределы привычного диапазона, и вскоре стал виден невооружённым глазом даже из освещённых городов.

Сообщения о необычном свете стали поступать в научные центры со всего земного шара. Вначале это было просто ослепительно яркое пятно на ночном небе, неестественно крупное и живое, будто в ткани космоса прожгли дыру. Но вскоре это пятно начало расплываться, расширяться, растекаться, словно огненная капля в чернилах, заполняя собой весь небосвод. Яркие багряно-оранжевые вспышки расходились волнами, перемешиваясь с оттенками меди, пурпура и слепящего белого света. Небо словно вспыхнуло изнутри: привычная чёрная глубина исчезла, уступив место пульсирующему своду, напоминающему гигантскую кузницу, где куют судьбы звёзд и миров. Некоторые наблюдатели сравнивали это с рассветом, наступившим среди ночи, другие – с пожаром, охватившим саму Вселенную.

Профессор Серж Дэвидсон, сухощавый, седовласый мужчина с усталым, но цепким взглядом человека, привыкшего всю жизнь смотреть в бесконечность, стоял в главном куполе Гарвардской обсерватории. Эта обсерватория, расположенная вдали от городского света, была сложным комплексом куполов, зеркал и антенн, пропитанным историей открытий и тихим шорохом научной работы. Дэвидсон не верил своим глазам. Он уже десятилетия наблюдал за Бетельгейзе и знал, что эта звезда находится на последней стадии своего существования, но увидеть её взрыв – это было событие из разряда фантастики, из тех, о которых пишут в учебниках, но которые почти никогда не застают при жизни одного поколения учёных. Его руки слегка дрожали, когда он проверял данные снова и снова, надеясь найти ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.